

что у насъ писатели умираютъ въ нищетѣ и что даже таланты и разносторонняя подготовка обезпечиваютъ писателю только возможность кое-какого существованія и лишь на то время, пока у писателя есть силы работать.

А сила этихъ у нашихъ писателей хватаетъ—увы!—очень не надолго. У насъ нерѣдко высказывается удивленіе по поводу того, что наши писатели умираютъ въ большинствѣ очень молодыми. А между тѣмъ это явленіе, равно какъ и другое—что наши писатели рано исписываются,—вполнѣ естественно. Сколько у насъ имѣется писателей, которые первыми своими произведеніями возбудили значительныя ожиданія, а затѣмъ такъ и остались до гробовой доски «молодыми писателями», «начинающими», «подающими большія надежды». Это не тѣ бездарности, о которыхъ мы говорили; это люди не безъ таланта, и нѣкоторые произведенія ихъ ясно показываютъ, что въ лицѣ этихъ «подающихъ надежды» мы имѣемъ дѣйствительныя таланты, но они гибнутъ подъ давленіемъ матеріальной нужды. Ничтожность вознагражденія за литературный трудъ на первыхъ-же порахъ приводитъ писателя къ необходимости работать изъ за денегъ, напрягать свои творческія способности, когда къ тому нѣтъ ни малѣйшаго расположенія, принуждать, насиловать себя. А такія операціи даромъ не обходятся: у человѣка падаетъ самоуваженіе, является привычка къ чисто-механической работѣ, насилуемый талантъ не только не развивается, но блекнетъ. И вотъ эти «подающіе надежды» пишутъ произведеніе за произведеніемъ, которыя стоятъ на той-же ступени, какъ и ихъ первыя работы, а чаще бываютъ чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Если же у иныхъ талантъ и не гибнетъ въ этой борьбѣ съ нуждой, то постоянное напряженіе, работа черезъ силу подрываютъ и физическія, и умственныя силы, и человѣкъ дѣлается развалиною въ такомъ возрастѣ, въ какомъ на Западѣ только раскрывается во всей полнотѣ дарованіе писателя.

Въ виду изложенныхъ фактовъ, вопросъ объ обезпеченіи нашихъ писателей на случай неспособности къ работѣ получаетъ у насъ особенную важность, и именно потому, что у насъ неспособность къ работѣ—не случайность, а неизбежное послѣдствіе условій литературнаго труда. Но объ этомъ вопросѣ мы поговоримъ особо.

Критическія замѣтки.

Въ ноябрьской книжкѣ «Сѣвернаго Вѣстника» напечатано новое произведеніе г. Чехова—«Скучная исторія». Для автора маленькихъ разсказовъ, какимъ до сихъ поръ остается г. Чеховъ, настоящая вещь его, занимающая около четырехъ печатныхъ листовъ, представляется большимъ произведеніемъ. Какъ и другія большія его вещи, это—произведеніе безъ фабулы, безъ опредѣленныхъ рамокъ и наименованія. Это нашъ современный, русскій родъ литературы—свободный, искренній, чуждающійся всего условнаго, интересны, конечно, когда имѣешь передъ собою произведеніе таланта, но во всякомъ случаѣ доказывающій малое развитіе у насъ собственно эстетическаго чувства. Покажите такія произведенія французамъ или итальянцамъ—народамъ съ наиболее сильною потребностью изящнаго—и они въ ужасѣ придутъ отъ такой беллетристики. Отъ художественной литературы, какъ и отъ всякаго дру-

того искусства, они требуют красоты, мастерства въ замыслѣ и исполненіи, въ компановкѣ и языкѣ произведенія, и вещь, не отвѣчающую такимъ требованіямъ, они откажутся признать художественною, какъ-бы много въ ней ни было правды и искренности. Мы же, добиваясь только правды и питая отвращеніе ко всякой условности, за послѣднее время совсѣмъ пренебрегли формою и подъ названіемъ беллетристики расплодили литературу отрывковъ, дневниковъ, записокъ, литературу безпорядочно выраженныхъ мыслей, впечатлѣній, воспоминаній, а иногда и разсужденій по разнымъ вопросамъ.

Новое произведеніе г. Чехова, подъ заголовкомъ котораго самъ

авторъ отмѣтилъ—«изъ записокъ стараго человѣка», не только не имѣетъ фабулы и опредѣленнаго контура, но не совсѣмъ выдержано даже и съ внутренней, психологической стороны. Въ запискахъ стараго человѣка, собственно стараго профессора медицины, Николая Степановича, есть, напримѣръ, слѣдующій взглядъ на современную нашу беллетристику: «Исключая двухъ-трехъ стариковъ, вся нынѣшняя литература представляется мнѣ не литературой, а въ своемъ родѣ кустарнымъ промысломъ, существующимъ только для того, чтобы его поощряли, но не охотно пользовались его издѣліями. Самое лучшее изъ кустарныхъ издѣлій нельзя назвать замѣчательнымъ и нельзя искренно похвалить его безъ *но*; тоже самое слѣдуетъ сказать и о всѣхъ тѣхъ литературныхъ новинкахъ, которыя я прочелъ въ послѣднія 10—15 лѣтъ: ни одной замѣчательной, и не обойдешься безъ *но*. Умно, благородно, но не талантливо; талантливо, благородно, но не умно; или, наконецъ—талантливо, умно, но не благородно. Я не скажу, чтобы французскія книжки были и талантливы, и умны, и благородны. И онѣ не удовлетворяютъ меня. Но онѣ не такъ скучны, какъ русскія, и въ нихъ не рѣдкость найти главный элементъ творчества—чувство личной свободы, чего нѣтъ у русскихъ авторовъ. Я не помню ни одной такой новинки, въ которой авторъ съ первой-же страницы не постарался-бы опутать себя всякими условностями и контрактами со своею совѣстью. Одинъ боится говорить о голомъ тѣлѣ, другой связалъ себя по рукамъ и по ногамъ психологическимъ анализомъ, третьему нужно «теплое отношеніе къ человѣку», четвертый нарочно цѣлыя страницы размазываетъ описаніями природы, чтобы не быть заподозреннымъ въ тенденціозности... Одинъ хочетъ быть въ своихъ произведеніяхъ непременно мѣщаниномъ, другой непременно дворяниномъ и т. д. Умышленность, осторожность, себѣ на умѣ,—но нѣтъ ни свободы, ни мужества писать, какъ хочется, а стало быть, нѣтъ и творчества».

Прекрасныя, вѣрныя мысли! Только это мысли самого автора, писателя, принимающаго близко къ сердцу интересы современной литературы, а не стараго медика-профессора, «котораго судьбы костяного мозга интересуютъ больше, чѣмъ конечная цѣль мірозда-нія». Для послѣдняго эта тонкая и мѣткая оцѣнка беллетристическихъ работъ позднѣйшаго времени не только не характерна, но едва-ли и возможна. Здѣсь авторъ забылъ свою художественную задачу—изобразить жизнь стараго, знаменитаго человѣка,—увлекся постороннимъ предметомъ и, не находя для самого себя мѣста въ «запискахъ» профессора, приписалъ свои мысли ему.

И началъ съ указанія нѣкоторыхъ недостатковъ въ произведеніи г. Чехова затѣмъ, чтобы, окончивъ съ ними, перейти къ главному впечатлію отъ его разсказа. Г. Чеховъ—крупное художественное дарованіе, и печать его таланта лежитъ на всемъ, что онъ пишетъ. Написанная имъ вещь можетъ имѣть недостатки, но скучною, безсодержательною въ художественномъ смыслѣ глава не бываетъ никогда. То-же самое слѣдуетъ сказать и о настоящемъ его произведеніи. «Скучная исторія»—вещь очень интересная и богатая содержаніемъ. Творчество, самое настоящее художественное творчество чувствуется здѣсь во всемъ—въ массѣ живыхъ, чрезвычайно мѣтко схваченныхъ сценъ, въ легкихъ очеркахъ являющихся на минуту лицъ, каковы сторожъ Николай, прозекторъ Петръ Пгватъевичъ, Гваккеръ, Катя, въ чувствахъ и настроеніяхъ стараго профессора, автора записокъ. И это впечатліе жизни и правды достигается здѣсь самыми простыми средствами, безъ яркихъ картинъ, дѣйствующихъ на воображеніе, безъ аффектаціи, безъ красивой фразы. Простота—это отличительная черта литературной манеры г. Чехова. Признаюсь, я не сторонникъ простоты во что-бы-то ни стало и не сочувствую тому стремленію «опроститься», которое такъ рѣзко сказалося за послѣднее время и въ жизни, и въ искусствѣ. Жить можно и съ простымъ, невзрачнымъ лицомъ, но красота лица—одинъ изъ лучшихъ даровъ природы, который всегда будетъ привлекать людей; прикрывать насъ и защищать отъ холода можетъ и неуклюжая, грубая одежда, но вкусъ и изящество въ костюмѣ доставляетъ людямъ большое удовольствіе; мо-

гиться и жить можно и въ простыхъ храмахъ и домахъ, но красота и величіе храма выше настраиваютъ нашу душу, хорошая архитектура и красивое убранство жилищъ сами по себѣ даютъ намъ массу пріятныхъ, радостныхъ впечатлѣній; выразить свои мысли и чувства можно простою, безыскусственною рѣчью, но изящество и блескъ языка, какими владѣли, напримѣръ, Тургеневъ или Гончаровъ, доставляютъ намъ тонкое и сильное эстетическое наслажденіе, и потребность въ нихъ настолько въ природѣ человѣка, что вещь, написанная плохимъ языкомъ, причиняетъ намъ мучительныя ощущенія. Несмотря на все это, простота г. Чехова имѣетъ въ себѣ много привлекательнаго. Она вполне естественна, искренна, исполнена чувства мѣры; въ ней нѣтъ погони за красотой, но она тщательно очищена отъ всякихъ уродливостей; главное-же, она даетъ автору форму, такъ полно сливающуюся съ содержаніемъ произведенія, что въ послѣднемъ не найдешь ни одной фразы, написанной не затѣмъ, чтобы выразить мысль автора, а ради внѣшняго эффекта, чѣмъ грѣшатъ подчасъ блестящіе стилисты.

Передать содержаніе «Скучной исторіи» невозможно. Это—рядъ мыслей, ощущеній и чувствъ стараго человѣка, рядъ мелкихъ происшествій его жизни, записанныхъ имъ самимъ. Но дѣло собственно не въ этихъ происшествіяхъ, а въ томъ, что старость не пощадяла знаменитаго человѣка. Николай Степановичъ (такъ зовутъ профессора) учился въ семинаріи и еще здѣсь мечталъ о счастіи быть врачомъ, объ извѣстности. Мечта его сбылась. Онъ сдѣлался не только врачомъ, но и профессоромъ, ученымъ, европейскою извѣстностью. Мы застаемъ его заслуженнымъ профессоромъ, тайнымъ совѣтникомъ, членомъ всѣхъ русскихъ и трехъ заграничныхъ университетовъ, коротко знакомымъ со всѣми знаменитыми учеными Европы за послѣднія 30 лѣтъ, другомъ Пирогова, Кавелина, Не-

красова, человекомъ популярнымъ и безупречнымъ. И не въ одномъ мышленіи, не въ однихъ книгахъ прошла жизнь Николая Степановича; онъ любилъ, женился по страстной любви, имѣлъ дѣтей и вырастилъ ихъ. Словомъ, дѣйствительность превзошла самыя смѣлыя его надежды; жизнь его представлялась ему «красивой, талантливо сдѣланной композиціей». И что-же? Пришла старость—и знаменитый человекъ ослабѣлъ, охладѣлъ, «равнодушнѣлъ» ко всему, сталъ доступенъ мелочнымъ мыслямъ, раздражительности, сталъ одинокъ, отошелъ отъ жизни самыхъ близкихъ ему людей. Слава не спасла его отъ слабости, мелочности и одиночества, а скорѣе подбавила яду въ его грустную жизнь. Взгляните, въ самомъ дѣлѣ, на эту жизнь. День Николая Степановича начинается тѣмъ, что къ нему въ кабинетъ приходитъ жена и, послѣ тревожныхъ разспросовъ о здоровьи, вспоминаетъ о сынѣ, служащемъ офицеромъ въ Варшавѣ, и о томъ, что, пока онъ не сталъ на ноги, ему нужно помогать. Затѣмъ, словно сообщая мужу новость, она говоритъ о томъ, что хлѣбъ, слава Богу, сталъ дешевле, а сахаръ по дорожалъ на двѣ копейки. И это каждый день.

«Я слушаю (пишетъ профессоръ), машинально поддакиваю, и вѣроятно оттого, что не спалъ ночь, странныя, ненужныя мысли овладѣваютъ мной. Я смотрю на свою жену и удивляюсь какъ ребенокъ. Въ недоумѣніи я спрашиваю себя: неужели эта старая, очень полная, неуклюжая женщина, съ тупымъ выраженіемъ мелочной заботы и страха передъ кускомъ хлѣба, со взглядомъ, отуманеннымъ постоянными мыслями о долгахъ и нуждѣ, умѣющая говорить только о расходахъ и улыбаться только дешезизнѣ—неужели эта женщина была когда-то той самой тоненькой Варей, которую я страстно полюбилъ за хорошій, ясный умъ, за чистую душу, красоту, и какъ Отелло Дездемону, за «состраданье» къ моей наукѣ? Неужели это та самая жена моя Вара, которая когда-то родила мнѣ сына?

«Я напряженно всматриваюсь въ лицо сырой, неуклюжей старухи, ищу въ ней свою Варю, но отъ прошлаго у нея уцѣлѣлъ только страхъ за мое здоровье, да еще манера мое жалованье называть *нашимъ жалованьемъ*, мою шапку—*нашей шапкой*. Мнѣ больно смотрѣть на нее, и чтобы утѣшить ее хотя немного, я позволяю ей говорить что угодно, и даже молчу, когда она несправед-

Я.—№ 46, 1889г.

1480

ливо судить о людяхъ, или журить меня за то, что я не занимаюсь практикой и не издаю учебниковъ.

«Кончается нашъ разговоръ всегда одинаково. Жена вдругъ вспоминаетъ, что я еще не пилъ чаю, и пугается... Она бѣжитъ и останавливается у дверей, чтобы сказать:

«— Мы Игорю должны за пять мѣсяцевъ. Ты это знаешь. И слѣдуетъ запускать жалованья прислугѣ, сколько разъ я говорилъ. Отдать за мѣсяць десять рублей гораздо легче, чѣмъ за пять мѣсяцевъ пятьдесятъ.

«Выйдя за дверь, она опять останавливается и говоритъ:

«— Никого мнѣ такъ не жаль, какъ нашу бѣдную Лизу. Учится дѣвочка въ консерваторіи, постоянно въ хорошемъ обществѣ, а одѣта Богъ знаетъ какъ. Такая шубка, что на улицѣ стыдно показаться. Будь она чѣмъ-нибудь другая, это-бы еще ни чего; но вѣдь всѣ знаютъ, что ее отецъ знаменитый профессоръ тайный совѣтникъ.

«И попрекнувъ меня моимъ именемъ и чиномъ, она, наконецъ уходитъ. Такъ начинается мой день. Продолжается онъ не лучше. Во время чая входитъ дочь. Старикъ встрѣчаетъ ее попреж-

нему, но въ душѣ нѣтъ прежней теплоты и нѣжности, въ душѣ горечь и упрекъ дочери за ея равнодушіе къ отцу, за то, что видя мелочныя и обидныя страданія отца изъ-за денегъ, она ни разу не пришла къ нему тайкомъ отъ матери и не испнула «Отецъ, вотъ мои часы, браслеты, сережки, платья... Заложь все это, тебѣ нужны деньги»... Онъ, конечно, не взялъ-бы часовъ и браслетокъ, но ему такъ хотѣлось-бы видѣть проявленіе такой любви.

Прежде чтеніе лекцій доставляло Николаю Степановичу огромное, ни съ чѣмъ несравнимое наслажденіе. Во время лекцій онъ отдавался страсти и понималъ, что «вдохновеніе не выдумка поэтовъ, а существуетъ на самомъ дѣлѣ». Теперь на лекціяхъ онъ испытываетъ только мученіе. У него нѣтъ уже нужныхъ для лектора физическихъ силъ, онъ скоро устаеетъ, во рту у него сохнетъ, голосъ сипитъ, голова кружится. Чтобы скрыть свое состояніе, бѣдный старикъ пьетъ воду, капляетъ, часто сморкается, говоритъ не впопадъ каламбуры, наконецъ, совершенно изнемогаетъ и объявляетъ перерывъ раньше, чѣмъ слѣдуетъ. И ему стыдно, что онъ не можетъ разстаться съ кафедрой, какъ требуетъ того его совѣсть.

Есть у Николая Степановича воспитанница, Катя, дѣвушка лѣтъ восемнадцати, дочь умершаго пріятеля его. Еслибы изъ настоящаго произведенія выдѣлать то, что касается Кати, то получился-бы очень хорошенькій маленькій рассказъ. Въ немногихъ словахъ авторъ сумѣлъ и создать образъ Кати, и передать ея судьбу. Съ ранней юности Катя страстно полюбила театръ, идеализировала его, дѣятельность актрисы считала выше всего на свѣтѣ. Обезпеченная порядочнымъ наслѣдствомъ, она по окончаніи ученія, изъ любви къ сценѣ поступила въ актрисы и уѣхала съ какою-то труппою въ Уфу. Здѣсь она на первыхъ же порахъ полюбила какого-то актера, была съ нимъ счастлива недолгое время, а затѣмъ очень скоро наступило разочарованіе въ людяхъ, группирующихся около сцены, а вмѣстѣ съ ними и въ томъ, кого она любила. Она попробовала отравиться. Ее спасли, послали въ Крымъ лечиться. Тамъ она схоронила своего ребенка и апатичная, безъ вѣры въ себя и въ свою будущность, но съ затаенною потребностью жизни, вернулась въ Москву. Эта Катя—едва-ли не единственное существо, которое любитъ старый профессоръ. Она сидитъ по утрамъ у него въ кабинетѣ, онъ каждый вечеръ бываетъ у нея. Но она несчастна, она цинична, вслѣдствіе перенесенныхъ ею страданій, она съ пренебреженіемъ смотритъ на людей и любитъ познакомиться съ Михайломъ Федоровичемъ, профессоромъ филологическаго факультета, посѣщающимъ ее каждый вечеръ. Это нарушаетъ цѣльность чувства Николая Степановича къ Катѣ, на которую онъ привыкъ смотрѣть какъ на свою дочь. Его раздражаетъ злословіе собесѣдниковъ и, выйдя изъ себя, онъ встаетъ и уходитъ со словами: «Что вы сидите тутъ, какъ двѣ жабы, и отравляете воздухъ своими дыханіями? Довольно!» Онъ даетъ себѣ клятву никогда больше

не ходить къ Катѣ и въ то-же время прекрасно знать, что завтра же опять пойдетъ къ ней.

«Дергая у своей двери за звонокъ и потомъ идя вверхъ по лѣстницѣ, я чувствую, что у меня уже нѣтъ семьи и нѣтъ желанія вернуть ее. Ясно, что новыя дракчесевскія мысли сидятъ во мнѣ не случайно и не временно, а владѣютъ всѣмъ существомъ моимъ. Съ больною совѣстью, унылымъ, лѣнивымъ, едва двигая членами, точно во мнѣ прибавилась тысяча пудовъ вѣсу, я ложусь въ постель и скоро засыпаю. А потомъ—бессонница...»

Не такъ давно литература наша старалась пробуждать въ насъ состраданіе къ униженнымъ и оскорбленнымъ, къ обездоленнымъ людямъ. Это было понятно и нетрудно, такъ-какъ униженные и оскорбленные вообще народъ очень жалкій. При чтеніи г. Чехова, намъ становится жаль не кого-нибудь изъ этихъ несчастныхъ, а человека, увѣнчаннаго славой, засыпаннаго почестями, выдающагося дѣателя науки, заслуги котораго признаны всѣмъ свѣтомъ; намъ начинаетъ казаться, что слава—обманъ, химера, безсильная дать настоящія радости и защитить отъ настоящихъ несчастій печальнаго человѣческаго жребія. Все на землѣ меркнетъ, разрушается, обращается въ развалины; радость проходитъ, красота гибнетъ, поэтическая прелесть любви выдыхается, самая жизнь заканчивается смертью и тлѣніемъ. Но все это люди давно знаютъ. Еще шекспировскій гробовщикъ пѣлъ объ этомъ остроумную и печальную пѣсню. Однако, такое знаніе не мѣшало людямъ цѣнить блага жизни. Умъ не отравлялъ имъ своимъ неумѣстнымъ вмешательствомъ всякую хорошую минуту. На безпокойные вопросы этого ума они могли отвѣчать: «умъ молчитъ, а сердцу ясно—жизнь для жизни мнѣ дана». Чтѣ въ томъ, что красавица, которую любить юноша, превратится современемъ въ безобразную старуху, что слава, которой добился способнѣйшій изъ мужчинъ, когда-то ляжетъ лишнимъ бременемъ на его старость? Пока они сильны, молоды, они умѣли дѣйствительно пользоваться своимъ счастьемъ, а не отравляли его разсужденіями о его непрочности. Откуда же у насъ эти постоянныя мысли о смерти и разрушеніи? Для ума жизнь—печальная картина. А въ нашемъ поколѣніи «молчитъ сердце», которому открыть смыслъ въ жизни, и всевластно господствуетъ умъ, для котораго ясна судьба всякаго сердечнаго порыва. Мы не хотимъ земного, преходящаго счастья, мы согласны принять его развѣ въ шутку или изъ любопытства; когда-же мы вполнѣ серьезны и искренни, мы всегда думаемъ и потому всегда печальны. Г. Чеховъ—истый представитель своего времени, и онъ бываетъ веселъ и жизнерадостенъ только въ своихъ шуткахъ и фарсахъ, вродѣ «Медвѣдя». Въ-же его серьезныя произведенія обвѣяны духомъ печали. Въ особенности это задумчиво-меланхолическое настроеніе преобладаетъ въ послѣднихъ его вещахъ—«Именины» и «Скучная исторія».

Р. Д

А. Г. Рубинштейнъ.

(По поводу его предстоящаго пятидесяти-лѣтняго юбилея).

Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ выступилъ передъ публикой какъ пианистъ въ 1839 г., десяти лѣтъ отъ-роду. Съ тѣхъ поръ прошло пятьдесятъ лѣтъ, и всѣ эти годы были имъ всецѣло посвящены многостороннему, непрерывному и плодотворному служенію музыкѣ.

Жизнь г. Рубинштейна не богата внѣшними событіями. Онъ родился въ 1829 г., въ мѣстечкѣ Выхватенецъ, Волынской губер-

(Диссерло)

Отъ 20-го 4-го
100 580